

Влияние «стрелы времени» на инновационность мышления

Кравченко С. А.

В статье рассматривается влияние социокультурной динамики в виде фактора «стрелы времени», обоснованного лауреатом Нобелевской премии И.Р. Пригожиным, на характер инновационного мышления обществоведов. Автор утверждает, что переход от одного поколения социологической теории к другому поколению обусловлен главным образом появлением новых социальных реалий, на которые ученые реагируют инновационной мыслью, разработкой качественно новых теоретико-методологических подходов. Данный постулат подкрепляется анализом инновационной мысли всемирно известных социологов, создавших оригинальный теоретический инструментарий.

Согласно постулату «стрелы времени», обоснованного лауреатом Нобелевской премии И.Р. Пригожиным, имеет место *саморазвитие материи, ускоряющаяся*, а главное — *усложняющаяся динамика материи*, что относится не только к неорганическому и органическому мирам, но и к *человеческим сообществам*¹. Развитию же социума всегда сопутствовало инновационное мышление, представители которого, подвергая критике существующее, «стареее» мышление, выдвигали *альтернативную модель* мышления и, соответственно, *новый, оригинальный теоретико-методологический инструментарий*.

Выдающиеся социальные теоретики стали всемирно известными, вошли в мировую социологическую мысль, именно благодаря тому, что предложили инновационную модель мышления, которая позволяла более адекватно отражать усложняющуюся динамику социума, чем это делали их предшественники. По нашему убеждению, развитие социологического теоретизирования и инновационность мышления находятся в диалектическом единстве².

Социологические теории первого поколения, представленные *позитивистской метапарадигмой*, рассматривали общественное развитие как *эволюционно-линейное*, исходя из того, что природа и общество могут быть в принципе интерпретированы одним и тем же теоретико-методологическим инструментарием. Такие социологии, как О. Конт, Г. Спенсер,

Э. Дюркгейм, К. Маркс, пытались обосновать *объективно-исторические законы*, которые применялись ими для трактовки общества. При этом они исходили из наличия достаточно жесткой причинности между социальными фактами, а также из *обратимости общественного развития* — все народы в своем развитии в принципе повторяют «высшие, более прогрессивные» формы.

Данные теории основались на постулатах *презумпции внешней причины, принудительной каузальности, логоцентризма и евроцентризма* научного знания. По существу, обосновывался «универсальный» детерминизм разума и морали, характерный для всей человеческой цивилизации. Кроме того, была вера во всемогущество науки как «самостоятельной преобразующей силы».

Инновационное мышление, как правило, не возникало, пока общество развивалось *относительно спокойно*, поведение людей было в значительной степени предсказуемо, регламентировалось культурными традициями, жесткой моралью, устоявшимися коллективными представлениями, многочисленными ритуалами и табу. Оно появлялось, лишь тогда, когда ускорялась общественная динамика и, по крайней мере, *определенное научное сообщество* начинало *критически* мыслить по основным жизненно важным проблемам. Так возникал *организованный скептицизм*, который, отмечает выдающийся социолог современности Р. Мертон, «содержит в себе скрытое

Кравченко Сергей Александрович — доктор философских наук, профессор, заведующий Кафедрой социологии МГИМО (У) МИД России

сомнение в некоторых основаниях установленной рутины, власти, принятых процедур и сферы «сакрального» вообще»³.

Организованный скептицизм практически характерен для всех социологов, представляющих первое поколение социологических теорий. Огюст Конт — основоположник социологии, был и первым обществоведом, кто *скептически отнесся* к самой методологии философов-метафизиков, которые все трактовали с позиций «абсолютного знания». Благодаря своему инновационному мышлению, Конт прорицательно поднял проблемы, которые и сегодня находятся в фокусе социологической мысли. Среди них — рассмотрение социального порядка в контексте свободы индивида, «рационально подчиняющегося законам природы»; валидность теории; гуманитарная составляющая социальных наук; социальное счастье и социальная патология; классовые, расовые и гендерные идентификации, их влияние на решение проблем социальной солидарности.

Однако спустя почти полвека английский социолог Г. Спенсер *скептически воспринял* теорию самого О. Конта, в противоположность которой сделал акцент на изучении *флуктуационной эволюции* обществ, противопоставляемой им однолинейной эволюции, дарвинистскому «отбору лучших», «выживанию сильнейших» как закону развития животного мира. По его мнению, люди имеют потенциальную способность к *гибкому изменению для перехода в иное состояние* в процессе столкновения с новыми вызовами. Мыслитель писал по этому поводу, что «постоянно накапливающиеся и усложняющиеся надорганические продукты, вещественные и духовные, образуют новый класс факторов, которые становятся все более и более влиятельными причинами изменений»⁴.

При этом, как считает социолог, все политические системы *возвратно-поступательно* флуктуируют между централизованной и менее централизованной формами политического регулирования, между, соответственно, военными режимами. В них «воля гражданина во всех видах деятельности, как общественной, так и частной, руководится волею правительства»⁵, чему способствуют войны и колониальная политика⁶.

К. Маркс создал еще более *динамичную* теорию общества, имеющую сложный, *междисциплинарный характер*, основанную на принципиально *инновационном* для своего времени мышлении. Это *особое диалектическое мышление*, востребовавшее соединения воедино ряда гуманитарных и социальных наук: философии, экономики, культурологии, истории и собственно социологии. Ученый был весьма критичен по отношению к предшественникам: «Я занимаю решительно враждебную позицию по отношению к контизму»⁷, — отмечал он.

Социологи всего мира ценят Маркса за то, что он создал *оригинальный историко-материалистический подход*, позволяющий анализировать общество в контексте динамики его структур и функций, сознания

больших социальных групп, их взаимодействия и борьбы, что обосновывает взаимовлияние как общественных структур на людей, так и людей на общество в историческом контексте. К инновационной мысли Маркса и сегодня социологи обращаются потому, что оно имеет *гуманистическую направленность*, призывает к *единству свободы, разума и гуманизма*, ратует за утверждение более справедливого общества, предполагающего *эмансипирующие* основы всей жизнедеятельности людей.

Составной частью инновационного мышления Маркса является *праксис*, который выступает как своеобразный инструмент *отрицания* существующего положения социальной жизни, выражение *созидательной активности*, направленной на утверждение *социального счастья*, справедливого социального порядка, в котором нет места эксплуатации человека человеком. Мысли Маркса получили инновационно-критическое развитие в творчестве представителей Франкфуртской школы.

Оригинальность инновационного мышления французского социолога Э. Дюркгейма особенно проявилась при изучении динамика ценностей и идеалов. До него существовало убеждение в том, что ценности, какие они есть, такими были всегда, они «универсальны». Ученый подверг критике эту «истину», показав, как ценности и идеалы функционируют в «обычные», спокойные периоды общественного развития и как они *изменяются в восприятии* людей в «новаторские», революционные периоды, когда влияние «стрелы времени» особенно очевидно.

Согласно мысли социолога, идеалы *динамичны*: периодически идеальное «приобретает свежесть и жизненную актуальность, оно вновь приближается к реальному, но вскоре опять отделяется от него»⁸. Так, в периоды качественных общественных преобразований люди забывают о себе, о своих повседневных заботах, целиком отдаваясь *общественным идеалам*. Их энергия проявляется «то в деструктивном и глупом насилии, то в героическом безрассудстве»⁹. Дюркгейм полагал, что в моменты великих потрясений идеальное стремится слиться в одно целое с реальным, и утверждал: «Вот почему у людей возникает впечатление, что совсем близки времена, когда идеальное станет самой реальностью и Царство Божие осуществится на этой земле»¹⁰.

В самом деле, вспомним, какими близкими и «реальными» нам казались идеалы свободы, братства, равенства, счастья: достаточно-де искоренить всех «врагов», героически трудиться во имя всенародного блага — и воплотится в жизнь многовековая мечта человечества. Аналогичное касается известных заявлений М.С. Горбачева о том, что перестройка позволит к 2000 году полностью решить самые насущные для людей продовольственную и жилищную проблемы. Мы также поддались иллюзии *быстрого* достижения идеалов демократии, цивилизованного рынка, правового государства. «Но иллюзия, — замечал Дюркгейм, — никогда

не бывает продолжительной, потому что сама эта экзальтация не может длиться долго: она слишком утомительна»¹¹.

Суть инновационного мышления ученого в том, что идеальное и реальное находятся в сложном, динамичном взаимодействии и что важно не только декларировать идеалы, но и учитывать фактор социального времени, которое необходимо для их материализации.

Второе поколение социологических теорий основывались на *интерпретивных парадигмах*. Если для представителей первого поколения познание социума мыслилось как его *отражение* для получения *целостной* картины мира посредством все большего и большего накопления «объективного» знания, то в теориях второго поколения ставка делалась на *интерпретацию*, предполагающую выявление *социальных смыслов* повседневной человеческой деятельности, раскрывая при этом *латентные* силы и отношения между, на первый взгляд, никак не связанными явлениями.

Исторически второй тип социологического теоретизирования сформировался на основе *антипозитивистского мышления*, для которого характерна *возрастающая динамика* мыслительных операций: признание не только объективности, но и субъективности социальных реалий. Он исходит из потенциального *множества* возможностей общественного развития. М. Хокхаймер и Т. Адорно в «*Диалектике просвещения*»¹², по существу, в концентрированной форме изложили фундаментальные принципы антипозитивистского мышления, показав как они работают для социологического теоретизирования.

Основоположником нового типа теоретизирования стал немецкий социолог М. Вебер. Чтобы представить *революционность* его инновационного мышления, отметим, что, по существу, он выступил оппозиционером по отношению ко *всем значимым* научным дискурсам того времени. Ученый подверг критике, казалось бы, «незыблемые, универсальные, объективные» законы общественного развития, в то время представлявшие высшие достижения европейской социальной мысли. Были поставлены под сомнение сами основы позитивизма. Он увидел их слабость в том, что структуры всецело детерминировали поведение индивидов, из чего следовало, что исторические события рассматривались *независимо от намерений людей* (?), а сами индивиды — как соучастники *заранее предопределенных событий* (?).

Не принял Вебер и использование естественнонаучных подходов для анализа общества, отмечая, что в отличие от жестких связей между явлениями неживой природы, в обществе действуют *качественно иные причинные связи* и для их познания нужен принципиально другой теоретико-методологический инструментарий. «Объективная» социальная наука просто не может существовать. Нет и «универсальных» ценностей: проведенные эмпирические исследования самим Вебером свидетельствовали, что *каждая*

историческая эпоха имеет культурно значимые ценности, которые изменяются от поколения к поколению, из чего вытекает *ценностный релятивизм*.

Отсюда — переход от евроцентристских идей, доминировавших в позитивизме, к *антропоцентристской социологии*. За этим последовал отказ от деления ценностей на «высшие» и «низшие», от видения прогресса всего человечества по европейским меркам. Из этого следует, что человеческое общество не есть нечто «исторически неизбежное», а результат «*множества возможностей*». И далее — утверждает «*многопричинное*» (multicausal) развитие социума. Это также *пионерская* мысль, ибо практически все прежние обществоведы были озабочены поиском «главного» фактора общественного прогресса — К. Маркс, например, видел его в классовой борьбе.

Своего рода изюминкой инновационной мысли Вебера является изучение *ненамеренных последствий* действий людей. Связи между социальными действиями людей и их результатами, как правило, *латентны, не лежат на поверхности явлений*. Так, в работе «*Протестантская этика и дух капитализма*» Вебер показывает взаимосвязь протестантских религиозных ценностей и развития «духа капитализма», утверждая, что в странах, где эти ценности доминировали, быстрее и легче утверждались капиталистические отношения. Но выявление корреляции между ценностными установками и характером социальных действий — лишь одна часть исследования. Другая часть исследования состояла в том, чтобы установить, *как и почему* протестантские ценности, которые сами по себе, *явно* не были нацелены на определенные экономические результаты, *скрыто, не зависимо от намерений* людей способствовали развитию капитализма.

По мнению социолога, основной причиной подобного рода *ненамеренных* и, соответственно, *непредвиденных последствий* стало убеждение в том, что только через постоянный, аккуратный и честный труд, неутомимую деятельность во имя приумножения славы Божьей на Земле, ведя при этом аскетический образ жизни, можно попасть в рай. Определенная религиозная доктрина исподволь формировала такое поведение, которое предопределяло высоко рациональные образцы экономического поведения. Отсюда Вебер делает вывод о том, что мотивированные определенными ценностями социальные действия, выражающиеся в своеобразном типичном поведении значительного числа членов общества, неизбежно должны были привести и привели к адекватным крупномасштабным переменам в обществе, его структурах, что и нашло выражение в конкретном облике капитализма в той или иной стране.

При этом М. Вебер отстаивал идею *двух* основных типологических форм капитализма — *современного* и *архаичного*. Анализируя современное ему капиталистическое общество, определяя при этом и судьбу капитализма в принципе, отмечал, что это общество амбивалентно по последствиям: характеризуется свободой

спекуляций, завоеваниями и другими авантюрами, вместе с тем, тенденциями увеличения целерациональных действий, рационализацией жизни в целом, достижениями максимального успеха и прибыли прежде всего через *рациональную организацию труда и производства*. «Стремление к предпринимательству, стремление к наживе, к денежной выгоде... само по себе ничего общего не имеет с капитализмом, — писал он. — Это стремление наблюдалось и наблюдается у официантов, врачей, кучеров, художников, кокоток, чиновников-взяточников... Капитализм может быть идентичен обузданию этого иррационального стремления, во всяком случае, его рациональному регламентированию»¹³.

Если использовать веберовскую методологию при анализе современного российского общества, то его *культурное содержание* следует определять не только по экономическим и политическим структурам как таковым (независимым от государства предприятиям, наличию множества политических партий и т.д.) и не по стремлениям людей к предпринимательству или политическому успеху. Это содержание, можно и нужно определять, прежде всего, по *тенденциям формально-рационального регламентирования* экономической и политической жизни, по тому, насколько *целерациональные действия* стали *типичными* в поведении и управляющих, и управляемых. Сказанное свидетельствует о том, что в *рациональном и историко-культурном* отношении «новый русский» капитализм весьма напоминает *архаический* капитализм, и эта та большая проблема, на решение которой направлена нынешняя программа модернизация страны¹⁴.

Инновационность мышления австрийского психолога и социолога З. Фрейда состояла в том, что он впервые стал интерпретировать действия людей с учетом как *сознательного*, так и *бессознательного факторов*. До него поведение людей в научных исследованиях объяснялось либо физиологическими основами, либо детерминировалось разумом. Ключевым в его мышлении является представление о том, что не только внешние социальные факты правят поведением людей, но и *внутренние* силы, которые олицетворяют собой *сознательное* и *бессознательное*, *разум* и *страсти*.

На этом основаны два принципиальных постулата психоанализа. «Согласно первому коробящему утверждению психоанализа, — писал он, — психические процессы сами по себе бессознательны, сознательны лишь отдельные акты и стороны душевной жизни»¹⁵. Второй постулат касается того, что страсти и вожделения человека способны к *сублимации*. Фрейд был первым ученым, кто доказал латентную связь сексуальных влечений с жизненной энергией, направленной на цели социальные: «Это второе положение, которое психоанализ считает одним из своих достижений, утверждает, что ...сексуальные влечения участвуют в создании высших культурных,

художественных и социальных ценностей человеческого духа, и их вклад нельзя недооценивать»¹⁶.

Фрейдовское осмысление бессознательного не просто констатирует само существование бессознательных процессов, а указывает на реальное влияние бессознательного фактора на социальные смыслы действий людей, что выражается в двух принципиальных моментах. Во-первых, люди, принимая весьма важные решения, могут не знать об их истинных факторах. Так, агрессия, которую мы имеем по отношению к самим себе, может явиться латентным источником агрессии по отношению к другим. Во-вторых, бессознательные мотивы социальных действий остаются латентными потому, что люди не могут или не хотят их осознавать, но в принципе их можно исследовать особым инновационным методом, названным ученым анализом свободных ассоциаций — интерпретация снов, ошибок, оговорок, описок, позволяющая открыть доступ к информации сознания индивида, которая иначе не доступна наблюдению. Данный, по существу, пионерский метод позволяет интерпретировать поведение индивида с учетом как его сознательных мотивов, так и подавленных желаний, включая бессознательные влечения.

Специфика инновационного мышления Карла Маннгейма состоит в том, что он создал инструментарий, позволяющий исследовать *динамику* знания и его *амбивалентные последствия*. Исходя из ответственности динамики знания и периодически возникающих его кризисов, Маннгейм обосновывает принцип *релятивизма знания*, отмечая что «социология знания является *систематизацией* того сомнения, которое в общественной жизни находит свое выражение в ощущении смутной неуверенности и неустойчивости»¹⁷.

Из маннгеймовской трактовки данного принципа следует, что в одно и то же время могут сосуществовать *разные формы* знания, обусловленные исторически сложившимся соотношением социальных позиций. Где же в таком случае критерии достоверности знания, каковы методы его анализа? Социолог применяет неординарное мышление, чтобы выйти из этой непростой ситуации. Ко *всем* формам знания, *включая ложное сознание*, Маннгейм подходит исторически и с позиций *экзистенциального существования его носителей*, а также с позиций *динамики* системы ценностей, применительно к которой определяется истина или ложь.

Социолог считает, что «причиной **односторонности** и **ложности** является не намерение скрыть подлинную ситуацию, а различие в структуре сознания различных по своему положению в социально-исторической сфере субъектов»¹⁸. Именно под влиянием этих факторов на протяжении человеческой истории *критерии истинности знания* *менялись неоднократно*. Поэтому, считает социолог, необходимо «оставить в стороне проблему истины в ее абсолютном смысле и исходить из

той ситуации, которая сложилась в современной науке, т.е. из того факта, что в настоящее время и в историческом прошлом выявились те связи, которые никогда раньше не прослеживались с такой полнотой»¹⁹.

В этом контексте социология знания представляет собой инструментарий познания *динамичной жизни*, и социолог, соответственно, с позиций своего инновационного мышления обосновывает *критерии* валидности *динамичного* знания. Их несколько и они работают лишь в системе. Среди них: наличие *эмпирического материала*, позволяющего, в частности, выявлять меру соответствия социологического инструментария тому, что исследуется, измеряется. Социолог отмечает:

- «развитие теоретических наук непосредственно зависит от развития наук эмпирических»²⁰;
- *академическая интерпретация* эмпирического материала;
- признание *особых способностей интеллигенции*, которая потенциально может освободиться от привязанности мышления к своему экзистенциальному существованию и тем самым более адекватно, чем другие социальные группы, интерпретировать реалии;
- конкуренция интеллектуалов в отстаивании различных идей;
- выявление *базовых ценностей*, а также *латентных мотиваций*, стоящих за ними, которые представляют *коллективное бессознательное*;
- учет фактора *коллективности знания*: «Знание является по своей сущности знанием коллективным (мышление одинокого индивида — лишь частный случай, возникающий на поздней стадии развития), оно предполагает наличие некоего совместного знания»²¹;
- *политическая дискуссия*: «Политическая дискуссия с самого начала есть нечто большее, чем теоретическая аргументация; она срывает маски, открывает неосознанные мотивы, связывающие существование группы с ее культурными чаяниями и теоретической аргументацией»²²;
- учет значимости *теологического знания*: теологические истины содержат интуитивные прозрения и глубокие метафизические догматы, указывают *гуманные направления*, по которым следует оценивать добываемые знания; «демократическое требование общезначимости»²³.

Переход к третьему поколению социологической теории ознаменовался развитием нового инновационного типа социологического мышления — им, по нашему мнению, стал *динамично-интегральный тип социологического мышления*. Переходу к нему способствовала усложняющаяся динамика социума, выразившаяся в резком увеличении неопределенности в социальной жизни. Но есть и более конкретная причина — общественные *кризисы*. Они, как показал П. А. Сорокин, основоположник данного поколения

социологических теорий, позитивно влияют на приращение инновационного знания²⁴. Вклад в данный тип мышления внесли и другие социологи. Например, Р. Мертон ратовал за *мышление в терминах социологической амбивалентности*, предполагающее, что некая социальная форма обладает *усложняющейся функциональной динамикой* — способна выполнять как позитивные функции, а также играть дисфункциональную роль в этой же системе. Т. Парсонс отстаивал мышление *в терминах подвижного равновесия социума*. Р. Эмерсон — обосновал принципы мышления *в условиях неопределенности сетевого взаимодействия*, Дж. Коулмен — мышление в контексте *увеличивающегося выбора альтернатив* и т.д.

Особое инновационное мышление Сорокина позволило ему стать *пионером* в создании интегральной теории. До него теорий *интегрального* типа просто не существовало. Методологическая основа его теории включает в себя в качестве внутренних компонентов *синтез* методов, включая интуитивный, эмпирический и рационалистический методы. Инновационное мышление Сорокина также проявилось в обосновании ряда *теорем флуктуаций*, в которых использовался весьма *сложный теоретико-методологический инструментарий*, предполагавший *интегральное применение* ряда принципов, среди которых указывались следующие:

- учет как больших, так и малых флуктуаций идеациональной и чувственной культуры;
- принятие во внимание как долговременных, так и краткосрочных волн, а также разнообразия моделей флуктуации. «В некоторых случаях, — пишет он, — флуктуация происходит резко; в других — и это более распространенная модель — волны подъема и упадка носят относительно спокойный характер, но даже в этих случаях наблюдается значительное разнообразие»²⁵.

Ученый исходит из признания отсутствия устойчивой линейной тенденции и механистической периодичности; разнообразия ритмов и «тактов»: множество разнообразных фаз, ритмов и тактов в каждой волне «подтверждает тезис о **творчески беспорядочном** характере исторического процесса. Формула Гегеля описывает лишь один из многих ритмов и тактов, характерных для самых разнообразных волн»²⁶. Мыслитель считал, что необходимо также учитывать чередования периодов усложнения — дифференциации и упрощения — унификации, имманентную саморегуляцию²⁷.

Сорокин впервые обосновал *интегральную причинность*, подчеркивая значимость как *детерминистской*, так и *недетерминистской причинности*. Ученый также впервые формулирует ряд принципов самоорганизации нелинейности, среди которых следующие:

1. *Принцип имманентного порождения последствий*. «Любая социокультурная система, — пишет он,

— пока она существует и функционирует, беспрерывно порождает последствия, которые являются результатами не внешних факторов, а существования и жизнедеятельности самой системы... Одной из специфических форм этого имманентного порождения последствий является непрерывное изменение самой системы, происходящее благодаря ее существованию и активности»²⁸;

2. *Принцип имманентного самоопределения системой своей собственной судьбы*: «Как только социокультурная система появляется на свет, ее неотъемлемый и «привычный» способ существования, формы, стадии, жизненная активность или судьба обусловлены главным образом самой системой, присущим ей характером и совокупностью ее свойств»²⁹;

3. *Имманентная самодетерминация как синтез детерминизма и индетерминизма*: «Детерминизм системы превращается в ее самодетерминацию. Самодетерминация — это синоним свободы»³⁰.

Как видим, инновационное мышление ученого настолько оригинально, что на его основе были сделаны выводы, *переосмысливающие прежние представления об общественном прогрессе в виде поэтапного развития*. «История, — писал П. Сорокин, — показывает только бесцельные флуктуации... вопреки моему желанию увидеть в истории этапы поступательного, прогрессивного развития, я неизбежно терплю неудачу, пытаюсь как-то подкрепить такую теорию фактами. В силу этих обстоятельств я вынужден удовлетвориться менее чарующей, хотя, возможно, более корректной концепцией бесцельных исторических флуктуаций»³¹.

Интеллектуальная мощь инновационного мышления Сорокина была подхвачена его учеником Р. Мертоном, американским социологом, создателем уникальной *интегральной теории структурного функционализма в версии среднего уровня*, позволяющей анализировать, хоть и ограниченный, но конкретный круг социальных явлений с включением эмпирических данных. Инновационное мышление этого ученого дало ему возможность иначе взглянуть и на новации социума, существовавший инструментарий его интерпретации. В связи с этим Мертон, приняв во внимание *усложняющуюся* социокультурную динамику, поставил под вопрос правомерность трех постулатов, широко используемых социологами (Б. К. Малиновский, А. Р. Радклифф-Браун), работающими в рамках классического структурного функционализма:

— «*постулат функционального единства общества*», из которого следовало, что любая часть социальной системы функциональна для всей системы, благодаря чему обеспечивается высокая степень интеграции всего общества. По оценке же социолога, это может быть справедливым *только* в отношении *традиционных* социальных систем, особенно ранних, дописьменных обществ, и его

неправомерно распространять на *функционально сложные, сильно дифференцированные* современные общества. Пример тому — религиозный плюрализм, скорее *разделяющий*, чем объединяющий. Поэтому социолог считает, что *ныне* нужно вести речь о *степени* функционального единства, а какова она — определяется конкретным социологическим исследованием. «Степень интеграции является эмпирической переменной, изменяющейся во времени в одном и том же обществе и являющейся различной в разных обществах»³², — пишет он.

— «*постулат универсальности функционализма*», согласно которому все стандартизированные социальные или культурные формы имеют *позитивные функции*, т.е. предполагается «полезность» любой социальной практики. По мнению же Мертона, данное утверждение является *упрошенным*, ибо в современном усложняющемся социуме конкретная часть общества может быть *функциональна, дисфункциональна или нефункциональна*. Так, бюрократия по Р. Мертоу — система управления, суть которой определяется функциональным контекстом: существует функциональная, нефункциональная или дисфункциональная бюрократия;

— «*постулат необходимости*», суть которого заключается в том, что в обществе есть «универсалии» — социальные или культурные явления, которые являются *атрибутами, незаменимыми* компонентами для существования общества в целом. Мертон же подверг критике положение о существовании «универсалий»: нет убедительных доказательств тому, что кажущиеся «универсальными» институты (семья, религия и др.), являются действительно атрибутами всех человеческих обществ. Для замены данного постулата социолог предложил понятие «*функциональных эквивалентов*» или «*функциональных альтернатив*».

На протяжении всей жизни инновационное мышление Мертона направляло его внимание на то, как люди совершают *великие открытия*. Теме новаторских открытий посвящены такие работы, как «*Социология науки*», «*Наука, технология и общество в Англии семнадцатого века*», «*Наука и социальный порядок*», «*На плечах гигантов*». По мнению социолога, предрасположенность к великим открытиям создается тогда, когда человек, овладев глубокими знаниями в конкретной сфере, переносит их на иное, незнакомое научное поле, в котором он не подвержен давлению со стороны доминирующих научных стереотипов. Возможно, эти идеи вдохновили его родного сына, который стал лауреатом Нобелевской премии по экономике в 1997 году. Долгое время он занимался исключительно математикой, и лишь в зрелые годы с большим трудом получил экономическое образование. Совмещение математического

инструментария с экономикой дало «прорывной» нобелевский эффект.

В работе «*На плечах гигантов*» сам Мертон отмечает, что для исследования научных инноваций им был применен «*нелинейный*» метод, учитывавший контекст «течения истории в целом, истории идей в частности, а также ход научных изысканий»³³.

Социолог приходит к выводу, который он формулирует как общую «социологическую истину»: у людей науки — иное поведение, отличное от других индивидов, и это особенно характерно для людей, занятых социологическими исследованиями³⁴. Эта особенность ученых, по его мнению, заключалась в том, что они скорее руководствуются «социально стимулируемой любовью и славой», чем прагматической выгодой.

Р. М. Эмерсон — американский социолог, создавший теорию *социальной сети интегрального толка*. Его инновационное мышление было направлено на то, чтобы исследовать усложняющееся *сетевое* взаимодействие социальных акторов (индивидуальных и коллективных), которое происходит в современном динамичном обществе одновременно как на микро, так и на макро уровнях. Социальная сеть предполагает, что акторы взаимодействия могут использовать *ряд альтернатив*, осуществляя тот или иной выбор, последствия которого могут быть неоднозначны: одни из них могут предполагать вознаграждения, в то время как другие — влекут потери и санкции. Естественно, что акторы, как правило, мотивированы увеличить позитивную составляющую взаимодействия и уменьшить негативные последствия.

При создании своей теории Эмерсон руководствовался двумя отправными методологическими положениями:

- *зависимость является источником власти*. Если индивид зависим от другого индивида или социальной группы, то это в процессе социального взаимодействия приводит к утверждению над ним власти;
- *неопределенность вознаграждения в условиях социальной сети порождает специфическую мотивацию*. В экстремальных условиях возникает риск того, что обменный цикл может в любой момент прерваться, предоставленные одной стороной услуги могут оказаться без ответного вознаграждения со стороны другой.

Заслуга Эмерсона состоит в том, что он, по существу, сумел предложить новый теоретико-методологический инструментарий изучения *социальной власти*. Суть его в том, что, во-первых, власть можно измерить, проанализировать достаточно объективно и выразить математически. Соответственно, полученные результаты могут быть перепроверены экспериментально. Во-вторых, власть рассматривается как *органический компонент* социальных отношений *зависимости*. Именно отношения зависимости приводят к тому, что люди вступают в те или иные отношения, образуя социальные группы. Вместе с

тем, эти же отношения приводят к тому, что возникает *неравенство* в сфере власти, что в дальнейшем ведет к конфликтам и социальным изменениям. В-третьих, власть предполагает бихевиористскую модель акторов с определенным характером включения последних в социальные сети. Подходы Эмерсона к исследованию власти в социальной сети были успешно применены при изучении таких сфер как динамика брачно-семейных отношений, маркетинг, геополитика и особенно организаций. Так, для своего функционирования организации нуждаются в разнообразных внешних и внутренних ресурсах. Те акторы, согласно Эмерсону, которые обеспечивают ресурсы, будут иметь большую власть над или внутри организации. Для уменьшения своей зависимости в социальной сети, снижения роли фактора неопределенности акторам следует предпринимать такие стратегии, как создание совместных предприятий, использование разных типов интеграции, заключение долговременных контрактов, осуществлении специализации и т.д.

Четвертое поколение социологических теорий представлено *рефлексивной метапарадигмой радикального модерна*, которая связывается с очередной бифуркацией социума. Она кристаллизуется под влиянием фрагментации и дисперсии социальной реальности, в которой действуют соответственно *рефлексивные акторы*. Это — теории, анализирующие современное общество, для которого характерна как *институциональная*, так и *индивидуальная рефлексивность*. Соответственно, утверждается новый, рефлексивный тип социологического мышления. Наиболее характерным рефлексивным типом мышления является *мышление в терминах риска* (У. Бек, Э. Гидденс).

Э. Гидденс — английский социолог был первым, кто предложил понимание природы кризиса социологического знания, возникшего в 80-е годы прошлого столетия, когда стало очевидным, что существовавший в то время теоретико-методологический инструментарий анализа социума становился все менее и менее эффективным. В чем тут дело? Может быть, следует его улучшить, повысить валидность? Нет, по мнению социолога, это тупиковый путь, ибо проблема заключалась, по большому счету, не в самом инструментарии, а в *усложняющейся динамике* социума. Именно социум становится *принципиально иным*, и для его исследования требовалось создание *качественно* иного теоретико-методологического инструментария. Нужна была новая теория, нацеленная на изучение рефлексивных реалий социума.

Полет творческой мысли социолога проявился в глубоком изучении *рефлексивного/радикального модерна*. Ученый, прежде всего, отмечает *крайний динамизм*, неизмеримо возросшую *скорость изменения* всех процессов в обществе. Мир не просто быстро меняется, он становится, согласно его удачному метафоре, «*ускользающим*»³⁵, т.е. обретает иную, *усложняющуюся* социокультурную динамику. При этом

социолог отмечает не только изменения структур и их функций, но и указывает на *темпы изменений повседневности* (повседневность всегда была весьма ригидной!) — *качественные новации* в социальных практиках, образцах поведения людей, их мышлении и знании, которые становятся *рефлексивными*.

Рефлексивный модерн *глобализирует пространство*, на котором происходят изменения, что несопоставимо со сферой изменения во всех досовременных и даже индустриальных обществах, так как практически *все* регионы мира экономически, политически, культурно и информационно втянуты во *взаимодействие* друг с другом. Глобализация радикально влияет на локальный социум, вызывая соответствующие рефлексии: она, считает социолог, «является причиной возрождения местной культурной идентичности... Местный национализм оживает в ответ на глобализационные тенденции»³⁶.

Социолог *иначе посмотрел* на привычные нам институциональные структуры. В условиях рефлексивного модерна иной становится *внутренняя природа* современных институтов, что выражается в *разрывах социальной преемственности*, нарушениях структурно-функциональной целостности, характерной для прежней, линейной динамики их развития. Социальные институты отреагировали на разрывы появлением так называемой «*институциональной рефлексивности*». Возникает невиданная ранее «*рефлексивная реальность*», подвижного и пластичного типа, способная к *самотворению* и *самоорганизации*. Соответственно, появились социальные формы, которые ранее вообще не существовали и даже не имеют корней в прошлом: так, «сегодняшняя мировая экономика, привязанная к «электронным деньгам — существующим только в виде цифр на экране компьютера — не имеет аналогов в прошлом»³⁷. Это же, по мнению социолога, касается политических институтов современных открытых, плюралистических обществ.

Рефлексивный модерн существенным образом изменяет представления *о социальном времени и пространстве*. «Привязанность» к какому-либо географическому месту, характерная для традиционных культур, заменяется тем, что стали возможны сделки «*между множеством индивидов, которые никогда не встречались друг с другом физически*». Даже обретение социальных статусов перестало ограничиваться конкретным культурным и географическим пространством. Индивид имеет возможность *плюралистического выбора жизненных стратегий*, т.е. *рефлексировать относительно своей идентичности*.

Важнейшим параметром современности, наряду с рефлексивностью, является *качественное возрастание рисков для его членов*³⁸. К этой проблематике социолог обращается постоянно³⁹. Новизна исследуемой им ситуации проявлялась в следующем: если в традиционном обществе человек во всех случаях

жизни, мог полагаться, как правило, на традиции, веру в судьбу или сверхъестественные силы, то в настоящее время все обстоит по иному. Ныне он должен *сам* делать постоянные *выборы* альтернатив при решении жизненно важных для него проблем, руководствуясь при этом либо оценками экспертов или тем, что подсказывает ему его биографический, а также коллективный *риск-опыт*. Более того, парадокс заключается в том, что сегодня *следование некоторым традициям*, которые в силу своей природы игнорируют социальные разрывы, не учитывают усложняющуюся общественную динамику, *может увеличивать риски наступления дисфункциональных последствий для актора*.

По Гидденсу, *новейшие* риски обусловлены самой усложняющейся социокультурной динамикой. Они возникают из *рефлексивности* функционирования институтов, партий, движений, рыночных структур, а также потенциальной непредсказуемости деятельности конкретных агентов, вытекающих из системных отношений *рефлексивного* типа. «Жить в эпоху «поздней современности» — значит жить в мире случайности и риска — неизменных спутников системы, стремящейся к установлению господства над природой и рефлексивному творению истории»⁴⁰, — пишет Э. Гидденс. Вне всякого сомнения, инновационное теоретизирование социолога относительно факторов разрывов, рисков, новых опасностей заметно расширили востребованность социологии риска и катастроф⁴¹.

В силу «стрелы времени» длительность перехода от четвертого к пятому поколению социологической теории весьма небольшая. Поэтому творчество ряда социологов имеет отношение и к одному, и к другому типу теорий. Пятое поколение социологических теорий, по нашей классификации, представлено *нелинейной метапарадигмой постмодерна* и, соответственно, *постмодернистским типом* социологического мышления. По существу, постмодерн представляет собой эпоху в развитии человечества, для которой характерно качественное увеличение неопределенности многих социальных реалий, что связано со случайностью, многовариантностью и альтернативностью развития, а также с возникновением виртуальных реальностей, в которых господствуют симулякры и симуляции⁴².

Выделим, на наш взгляд, наиболее значимые *черты постмодернистского социологического мышления*:

1. *Отсутствует единый, господствующий тип культуры мышления. Сосуществуют разные типы мышления*, ибо в одном социологическом поле находятся акторы, имеющие приверженности к *разным* поколениям социологической теории, *разным* метапарадигмам, интерпретирующим социум разной динамической сложности, который относятся к различным пространственно-временным мирам. Тем не менее, *возрастает*

значимость неопределенных подходов, мышления в терминах нелинейности, что предполагает усложняющееся толкование причинности, времени, пространства.

2. Получают все большее распространение социологические понятия, обозначающие открытый, самоорганизованный, нелинейно развивающийся социум, для которого характерна спонтанная активность. Достаточно привести несколько постмодернистских терминов, чтобы проиллюстрировать диффузность их содержания: ризома⁴³, симулякр, след, хаос, ничто и т.д.
3. На смену относительно «долгоживущих» понятий и категорий приходят понятия, имеющие «краткосрочное» содержание.
4. Границы теоретико-методологического инструментария становятся все более дисперсионными, «текучими».
5. Нормой становятся *разрывы* в культуре мышления. В частности, происходит размывание феномена исторической преемственности. Ученые-социологи поставлены в условия жизнедеятельности, когда постоянно необходимо *выбирать* новый, более валидный инструментарий, просто *нельзя не выбирать* с учетом плюрализации реальных и виртуальных характеристик усложняющегося социума.

М. Фуко — французский социальный теоретик и социологи, один из основоположников инновационного инструментария, который широко используется в социологическом постмодернизме. Оригинальность его мышления, прежде всего, состоит в нацеленности на изучение *самого мышления*. Он, в частности, предложил теоретико-методологический инструментарий, применимый к изучению *динамики систем мышления* в историческом контексте, который основан на постулате о том, что социальный мир всегда структурируется посредством определенных языковых средств, что получило выражение в *теории археологии знания*, которая с его точки зрения позволяет воспроизводить *характер знания* о социальных феноменах как прошлого, так и настоящего, абстрагируясь при этом от их конкретного *содержательно-го субъективного контекста*, что превращает их в своего рода «*молчаливые монументы*». Таковыми выступают *дискурсы*. Для Фуко дискурс — это, прежде всего, определенное установление, обуславливающее *режим существования объектов*: «Задача состоит не в том, — уже не в том, — чтобы рассматривать дискурсы как совокупности знаков (то есть обозначающие элементы, которые отсылают к содержаниям или к представлениям), но в том, чтобы рассматривать их как практики, которые систематически образуют объекты, о которых они говорят»⁴⁴.

Дискурс — совокупность правил, в частности, включающих в себя характерные статусы и роли, коды восприятия социальной реальности, темы высказываний и сами высказывания, подчиняющиеся

одной системе формирования. Вместе с тем, дискурс — фрагмент истории, в который включены как ее *единство*, так и *прерывность*. Особенно Фуко интересовали дискурсы «знания и власти, истины и власти»⁴⁵.

Отправная мысль ученого состоит в том, что *определенная форма знания и мышления проявляет власть над другой* и тем самым в обществе утверждается социальный контроль *определенного типа*. Атрибутом же дискурса является власть, механизм образования которой следующий: имущие и неимущие, свободные и заключенные, умственно здоровые и сумасшедшие говорят на *разных языках*, обладают *разными формами знаний*. По мнению социолога, язык и власть неразрывны: не люди, не конкретные правители, а существующие в языке *символы, имена*, а также соответствующие им социальные практики, *в конечном счете*, определяют характер власти. «Власть — это не некий институт или структура, не какая-то определенная сила, которой некто был бы наделен: это имя, которое дают сложной стратегической ситуации в данном обществе»⁴⁶. Развитие знания и мышления, соответственно, приводит к изменению характера власти, институтов социального контроля, и осуществляется это через *изменения норм дискурса*.

Аналогично, до Фуко характер наказания зачастую ассоциировался с конкретным властителем, злобностью, жесткостью или, напротив, мягкостью его характера. Потребовалось воистину инновационное мышление, чтобы поставить эту «истину» под вопрос. Ученый утверждает, что характер наказания определяют не конкретные властители, а *лингвистическая составляющая*(!) определенной эпистемы, характерной для конкретного исторического периода системы мышления. Именно конкретная эпистема детерминировала церемонии публичных казней виновных. Затем в европейской культуре, в период с 1757 по 1830 гг., происходит замена экзекуций преступников на контроль над ними с помощью определенных тюремных правил. Возникновение рациональной эпистемы привело, соответственно, к рационализации и бюрократизации системы наказания и надзора, которая олицетворяла собой *дисциплинарную власть*, приходившую на смену *власти-господству*.

В отличие от власти-господства новая дисциплинарная власть стала более эффективной и обезличенной и распространялась не только на преступников, а *на все общество*. В итоге, возникает *паноптизм* — «окружение тел индивидов абсолютной и постоянной видимостью»⁴⁷. Причем наблюдаемые знают, что они подвергаются контролю, но не знают точно время, когда должностные лица контролируют их. По мысли Фуко, дисциплинарная власть уступает место гавернментальному управлению и мышлению. В самом общем виде под гавернментальностью ученый понимает отношения между двумя полюсами управления:

— формами правления, посредством которых различные властные структуры управляют населением;

— и технологиями самодисциплины, позволяющие индивидам проявить свою субъективность⁴⁸.

При этом социолог особо подчеркивает роль самодисциплины, основанной на *этике индивидуализации*, что, по существу, знаменует собой становление новой *гавернментальной рациональности* рефлексивного типа, предполагающей *активную организацию человеческой субъективности*. Британский социолог Дж. Лун отмечает: «Гавернментальность, по существу, является *этическим* управление (термин ментальность преднамеренно используется в этом смысле)⁴⁹. Естественно, этот процесс потребует формирования соответствующего *гавернментального мышления*. Оно позволит индивиду на основе нахождения оптимального соотношения между управленческими структурами и развитием рефлексивности стать *действующим Человеком* прежде всего по отношению к неопределенностям и рискам, характерным для современного социума.

Ж. Деррида — французский социальный теоретик, создатель особого теоретико-методологического инструментария — *грамматологии*, нацеленного на интерпретацию *усложняющейся динамики* новых социальных реалий, выяснение *особого смысла случайности*. Изначально грамматология появилась как лингвистическая дисциплина, изучающая взаимосвязи между письменными знаками и звуками речи. В инновационном мышлении Дерриды грамматология — теория, изучающая в письменном языке не какие-либо законы, а прежде всего, *случайности и нестабильности*. Как мыслит социолог, именно грамматология, её теоретико-методологический аппарат позволяют показать культурно-пространственную и временную *ограниченность логоцентризма* западной науки, традиционного детерминизма, обосновывающего «универсальность» общественных законов.

Ученый полагает, что логоцентризм сдерживал развитие науки, культуры, подавлял интеллектуальные и социальные свободы. «То, что провозглашается здесь как наука о письменности, грамматология, отнюдь не есть наука в западном смысле этого слова, — пишет ученый, — ведь для начала это вовсе не логоцентризм, без которого западная наука просто не существует. Либерализация старого мира есть, по сути, создание некоторого нового мира, который уже не будет миром логической нормы, в котором окажутся под вопросом, будут пересмотрены понятия знака, слова, письменности»⁵⁰.

Оригинальность мышления ученого состоит в том, что оно нацелено на изучение *природы человеческого непонимания*, что можно, по его мысли, осуществить с помощью *метода деконструкции*, который получает теоретическое обоснование в целом ряде его работ, начиная с «*Нечто, относящееся к грамматологии*». Как определяет сам Деррида, «деконструкция есть движение опыта, открытого к абсолютному будущему грядущего, опыта, по необходимости неопределенного,

абстрактного, опустошенного, опыта, который явлен в ожидании другого и отдан ожиданию другого и события. В его формальной чистоте, в той неопределенности, которую требует этот опыт, можно обнаружить его внутреннее родство с определенным мессианским духом»⁵¹.

З. Бауман — польско-американский социолог, непосредственно ставящий своей целью обоснование постмодернистской социологии. Инновационность мышления социолога проявляется, прежде всего, в интерпретации сознания *постмодернистского общества*. Постмодернистское сознание позволяет индивидам преодолевать *власть структур*, характерную для общества модерна и рефлексивного модерна, дает индивидам возможность выйти за пределы *влияния социальных структур*. Это позволяет им лучше реализовать свой интеллектуальный потенциал вне зависимости от социального происхождения. Общественное сознание постмодерна не ориентировано на поиск окончательных истин. Скорее, постмодернисты стремятся к утверждению *нового стандарта истины*, предполагающего её относительность. Социолог говорит о приходе нового «краткосрочного» сознания на смену «долгосрочного».

Постмодернистское мышление, по существу, предполагает принятие амбивалентности как естественного положения вещей. Поэтому это мышление *толерантно*, ибо оно принимает существование различий как естественную данность. Утверждение толерантного мышления тем более необходимо в виду появления и сосуществования многочисленных сообществ, которые функционируют относительно самостоятельно и отнюдь не проявляют тенденции к солидарности. По существу, социолог обосновывает новый тип мышления — *амбивалентно-толерантное*.

Ж. Бодрийяр — французский социолог и культуролог, исследующий реалии постмодерна. Квинтэссенция инновационного мышления ученого состоит в том, что оно нацелено на исследование процесса *десоциализации постмодернистского социума*. Что же стоит за высказанным Бодрийяром постулатом о «конце социального»? По его мысли, это означает, что социальное растворяется, «разжижается» в массе, теряя свою уникальность. Такие социальные реалии, как класс или этнос, просто растворяются при создании огромной, недифференцированной массы, которая мыслится им как *статистическая категория*, а не социальная общность. В таком понимании *социальное «отмирает»*. А если социальное отмирает, то с ним исчезает и *классическая социология*, предметом которой как раз является социальное. Тогда возникает потребность в новом подходе к теоретизированию окружающего мира.

И Бодрийяр с позиций инновационного мышления предпринимает такую попытку создания принципиально новой теории об обществе. Речь идет об «антисоциальной» теории общества с принципиально новыми понятиями, отражающими особенности постмодерна. Ученый ассоциирует свою теорию с «патафизикой» — «наукой воображаемых решений», заявляя, что это оп-

тимальный путь отражения постмодернистской реальности, в которую сегодня входит человечество.

Инновационное мышление ученого проявилось в оригинальном взгляде на человеческие потребности. Потребительское общество элиминирует «потребности» в традиционном смысле этого понятия. До сих пор потребности были связаны с индивидами определенными отношениями через предметы потребления. Бодрийяр осуществляет деконструкцию этих отношений и приходит к пионерским суждениям. В обществе постмодерна люди не покупают то, в чем они нуждаются. Скорее, код контролирует и принуждает их делать те или иные покупки. Предметы утрачивают функцию полезности, которая, по существу, заменяется функцией соблазна. Бодрийяр отмечает, что соблазн предлагает «игру и власть иллюзии»⁵², что является неотъемлемым компонентом постмодерна.

В итоге, потребительская стоимость заменяется символической стоимостью: индивиды начинают приобретать товары, потому что они являются символами престижа, власти, благополучия. Знаковые коды не столько удовлетворяют конкретные потребности, сколько служат дифференциальными знаками, свидетельствующими о принадлежности к конкретной группе ровней. Так, постепенно из потребляемых знаков складывается «язык», позволяющий значимо общаться с окружающими: потребляемые товары могут красноречиво «рассказать» практически все об их владельцах, принадлежащих к определенной «потребительской массе». Знаки становятся стержнем социального смысла, его динамики: «принудительное обновление знаков, это постоянное и как будто произвольное производство смысла, это биение смысла... Логическая тайна его цикла в действительности является сущностью социологического»⁵³.

По мысли Бодрийяра, новые отношения «хуже» отчуждения и аномии, они находятся «за их пределами». Но, уж таковы они есть. При этом главным разрушителем выступает не революция, не какая-то социальная сила, а контроль со стороны кода сигнификации. Сила его эффективности оказалась куда большей, чем сила ранее известных социальных движений. Но сам код также контролируется и, прежде всего, средствами массовой информации. Причем, современные СМИ практически тотально манипулируют кодом. Это проявляется в том, что символы, имеющие концентрированное выражение в коде, становятся абсолютно индетерминированы, ибо они отстраняются от реалий окружающего мира. В итоге разрушается и отмирает связь между символами и реальностью. Обмен между символами происходит относительно друг друга, но не между символами и реальностью. За символами не стоит ничего конкретного. Так стирается грань между реальностью и вымыслом, между истиной и заблуждением. Люди начинают мыслить в терминах кодов сигнификации.

Поль Вирилио – французский теоретик, создавший инновационные работы, акцентирующие решающую

роль скорости в социальной жизни. Он стал основателем направления, получившим название *дромология*: от слова «дром» (анг. drome), что означает место гонок — ипподром, автодром, велодром и т.д. Данное направление, в частности, изучает воздействие на социальную жизнь технологических изменений, связанных с развитием типов транспорта, коммуникаций (телекоммуникации, Интернет) и т.д. Это приводит к сокращению социальной дистанции и времени для людей, проживающих не только в различных районах страны, но и регионах мира, к утрате способности наблюдать и оценивать, как непосредственно происходят события. Инновационность мышления ученого связана с особой значимостью скорости, с которой распространяются знание, информация, символы, что ведет к стиранию референтов: возникает характерный эффект нестабильности и неопределенности, свойственный обществу постмодерна. Людям просто не хватает времени для осмысления научно-технических инноваций, их латентных проявлений. Особенно ученый подчеркивает изменение природы войны — из-за возрастающих темпов распространения информации просто невозможно адекватно рефлексировать на угрозы и действия противника, что ведет к «чистой войне», в которой главная роль отводится скорости компьютеров и коммуникаций в целом⁵⁴.

Как видно, «стрела времени» диктует необходимость инновационного мышления, которое становится императивом современного общества. Переход к инновационному мышлению — важнейший компонент современной модернизации страны. Воплотить его в жизнь весьма сложно. Но, представляется, еще сложнее обеспечить то, чтобы в инновационном мышлении была гуманистическая составляющая, которой, как нам видится, так не хватает в моделях мышления, предлагаемых западными социологами. Поэтому мы считаем необходимым формирование нелинейно-гуманистического мышления как интеллектуальной основы модернизации России. Это мышление, исходящее из ускорения и усложнения социокультурной динамики, взаимозависимой целостности человечества, синергично учитывает разрывы рискогенного, нелинейно развивающегося социума, его объективные, субъективно сконструированные и виртуальные реалии, при этом ставит во главу жизнедеятельности человека поиск новых форм гуманизма, ориентированных на его экзистенциальные потребности.

Summary: In the article it is shown the influence of the social and cultural dynamics, expressed in the “the arrow of the time”, the effect worked out by the winner of the Nobel Prize I.R. Prigozin, on the innovation of thinking of social scientists. The author argues that the transition from one generation of the sociological theory to another one is mainly due to appearance of new social realities that facilitate the scientists to innovative thinking as well as to work out principally new theoretical and methodological approaches. This thesis is based on the analysis of the innovative thought of the worldly known sociologists for their original theoretical instruments.

Ключевые слова	Keywords
«стрела времени», социокультурная динамика, самоорганизация, инновационное мышление, оригинальный теоретический инструментарий	«the arrow of the time», sociocultural dynamics, self-organization, innovative thinking, original theoretical instruments

Примечания

1. См.: Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. — М.: Эдиториал УРСС, 2001; Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. — М., 1994.
2. См.: Кравченко С.А. Динамика социологического мышления и воображения // Социс, № 8, 2009; Его же. «Стрелата на времето» на социологическата теория // Социология. Институт Социологии Болгарской академии наук. Година 1. Брой 1 – 2009.
3. Мертон Р. Наука и социальный порядок. — Личность. Культура. Общество. 2000. Т.II. Вып. 2. — С. 165.
4. Спенсер Г. Синтетическая философия... — С. 253.
5. Спенсер Г. Синтетическая философия... — С. 296.
6. См.: Turner, J.H. Herbert Spencer. — In: The Blackwell Companion to Major Social Theorists. Edited by G. Ritzer. — Blackwell Publishers Ltd, 2000. — P. 89–90.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 изд. — Т. 33. — С. 189.
8. Дюркгейм Э. Ценностные и “реальные” суждения. — В кн.: Эмиль Дюркгейм. Социология. Её предмет, метод, предназначение. — М.: Канон, 1995. — С. 299.
9. Дюркгейм Э. Ценностные и “реальные” суждения. — С. 298.
10. Дюркгейм Э. Ценностные и “реальные” суждения. — С. 299.
11. Дюркгейм Э. Ценностные и “реальные” суждения. — С. 299.
12. См.: Horkheimer M., Adorno T. Dialectic of Enlightenment. — New York: Continuum. 1987.
13. Вебер М. Избранные произведения. — С. 47–48
14. См.: Медведев Д.А. Послание Федеральному Собранию // <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>
15. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. — М.: “Наука”, 1995. — С. 11.
16. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. — С. 12.
17. Манхейм К. Идеология и утопия. — С. 49.
18. Манхейм К. Идеология и утопия. — С. 220.
19. Манхейм К. Идеология и утопия. — С. 76.
20. Манхейм К. Идеология и утопия. — С. 241.
21. Манхейм К. Идеология и утопия. — С. 32.
22. Манхейм К. Идеология и утопия. — С. 40.
23. Манхейм К. Идеология и утопия. — С. 143.
24. См.: Кравченко С.А. Кризис нашего времени — неизбежная фаза перехода к новому социокультурному порядку (по мотивам работ П.А. Сорокина). — Вестник МГИМО-Университета, № 3–4, 2009.
25. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика... — С. 338–339.
26. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика... — С. 340.
27. См.: Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика... — С. 333–342.
28. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. — СПб.: ЗХГИ, 2000. — С. 741.
29. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика... — С. 741.
30. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика... — С. 743.
31. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. — М.: Политиздат, 1992. — С. 310
32. Мертон Р. Явные и латентные функции. — В кн.: Американская социологическая мысль. Тексты. — М.: МГУ, 1994. — С. 388.
33. См.: Merton R. On the Shoulders of Giants. Chicago and London: University Chicago Press, 1993. — P. xix.
34. См.: Merton R. On the Shoulders of Giants. — P. 24.
35. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. — М.: «Весь мир», 2004.
36. Гидденс Э. Ускользающий мир... — С. 30.
37. Гидденс Э. Ускользающий мир... — С. 26.
38. См.: Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. — Cambridge: Polity Press, 1991. — P. 125.
39. См.: Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. — М.: Академический проект, 2003.
40. Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991. — P. 109.
41. В рамках Всемирной социологической ассоциации существует исследовательский комитет «Социология катастроф», а при Российском обществе социологов функционирует исследовательский комитет «Социология риска и катастроф».
42. См.: Кравченко С.А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь. — М.: Астрель-АСТ-Транзит книга, 2004.

- С. 304; Его же. Модерн и постмодерн в динамически меняющемся мире. — М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2007; Лиотар Ж.Ф. состояние постмодерна. — М., 1998; Гидденс Э. Постмодерн // Философия истории. Антология. — М., 1995.
43. Ризома — «скрытый стебель», обладающий способностью развиваться в любом направлении и принимать произвольную, «некорневую» конфигурацию, — метафорическое обозначение, предложенное Ж. Делезом и Ф. Гваттари, внеструктурного и нелинейного способа организации целостности. — См.: Ризома. — Постмодернизм. Энциклопедия. — Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. — С. 656–660.
44. Цит. по: Постмодернизм. Энциклопедия. — Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. — С. 900
45. Фуко М. Власть и знание. — В кн.: М. Фуко. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. — М.: Праксис, 2002. — С. 286.
46. Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. — М.: «Магистериум», «Касталь», 1996. — С. 192–193.
47. Фуко М. Психиатрическая власть. — С. 70.
48. См.: Foucault M. On governmentality. — P. 20.
49. Loon J.V. Governmentality and the subpolitics of teenage sexual risk behavior / Health, Risk and Vulnerability. — London and N.-Y.: Routledge, 2008. — P. 49.
50. Цит. по: Постмодернизм. Энциклопедия. — Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. — С. 174–175
51. Цит. по: Постмодернизм. Энциклопедия. — Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. — С. 197
52. Baudrillard J. Fatal Strategies. — New York: Semiotext(e), 1990. — P. 51.
53. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. — М.: Библион — Русская книга, 2003. — С.70.
54. Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. — М.: ИТДГК «Гнозис», Фонд «Прагматика культуры», 2002; Virilio, Paul. Pure War. — N.Y.: Simiotext(e), 1983; The Art of the Motor. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 1995.